

Д. В. Потепалов

**ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСТВА
В ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ (X—XVII ВВ.)**

Изучение истории детства в Древнерусском и Московском государствах очень затруднительно ввиду крайней скудости источниковой базы. Отдельные летописные свидетельства, говорящие о детях, не дают возможности даже в самых общих чертах нарисовать картину детства в те с исторической точки зрения не столь уж и далекие времена. Это до сих пор не позволяет исследователям создать сколько-нибудь обобщающий труд по истории детства в России. Поскольку появление новых письменных источников маловероятно, то история детства и беспризорности в России до XVIII в. скорее всего всегда будет носить концептуальный характер.

Примечательно, что ни в одном документе светской и духовной властей исследуемой эпохи (Устав 996г. князя Владимира I, «Русская правда», «Правда Ярославичей», Судебники Ивана III и Ивана IV, решения Стоглавого собора 1551 г., Соборное Уложение 1649 г. и др.) нет статей, посвященных детям-сиротам, беспризорникам. Это тем более удивительно, что имеются многочисленные свидетельства о помощи государства, церкви, общества виктимогенным и виктимным группам взрослого населения (нищие, вдовы, престарелые, инвалиды, умалишенные и т. п.).

Однако отсутствие письменных источников также по-своему является источником.

Можно предположить, что: 1) не существовало или было очень незначительным явление детской беспризорности; 2) отсутствовали сами понятия о ценности жизни ребенка и необходимости его опеки.

Оба предположения только на первый взгляд кажутся маловероятными. Известно, что основной семейной моделью в России до XX в. была так называемая большая семья, состоящая из 3—4 поколений. К тому же русские крестьяне жили общинами, члены которой часто были повязаны родством. При такой семейной модели общества осиротевшие дети могли найти приют у близких или дальних родственников, поочередно кормиться у односельчан, получать милостыню и т. п. Педагог и психолог М. Н. Рубинштейн отмечал, что в таких «семьях — обществах дети являлись, в сущности, общим достоянием, и потеря одного из родителей или обоих нисколько не меняла их положения» [16. С. 11].

Причинами, по которым крестьяне брали в свою семью осиротевших детей, были не столько чадолюбие, сострадание и милосердие, сколько соображения прагматического порядка. Нередко рачительные и рациональные главы семейств становились опекунами из-за желания увеличить надел общинной земли, получить в будущем дополнительные рабочие руки, денежное пособие и т. п.

Кроме названных форм социальной помощи детям-сиротам, существовало еще одно явление, минимизирующее детскую виктимогенность и превращение сирот в беспризорников и преступников. Оно было описано известным историком С. В. Бахрушиным: «В XVII в. в патриархальных условиях Московского Государства этот вопрос [беспризорности] решался довольно просто: в обществе, страдавшем

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

отсутствием свободных рабочих рук, ребенок-сирота и беспризорный ценился в хозяйстве как будущий работник, а частные лица охотно брали его на воспитание с тем, чтобы закабалить его затем навсегда на своей службе. Ребенок, потеряв родителей, не имея, чем прокормиться, бил челом во дворе к лицу, соглашавшемуся взять его к себе, отдавая себя в кабалу и этим обеспечивал себе пропитание. Государство пользовалось теми же приемами, отдавая беспризорных детей, оказавшихся у него на руках, частным лицам и церковным учреждениям на воспитание и предоставляя им за это пользоваться впоследствии бесплатным трудом своих воспитанников... Это закабаление детей, взятых на воспитание, является наиболее примитивной формой заботы общества и государства о малолетних» [2. С. 2].

Не следует также забывать, что после принятия христианства помощь обездоленным людям оказывала церковь. И хотя не сохранилось никаких письменных свидетельств оказания такой помощи детям-сиротам, едва ли можно сомневаться, что они ее не получали наряду с калеками, сумасшедшими, нищими, больными и стариками.

Таким образом, в Древней Руси и Московском государстве существовало достаточно много факторов, препятствующих виктимизации детей и превращению их в беспризорников. Несмотря на грубость и жестокость тех времен, нельзя отрицать наличие своеобразных форм защиты и определенной степени социальной защищенности детей-сирот.

Однако трудно предполагать, что детская беспризорность в те времена отсутствовала вообще. Виктимность самой жизни общества была очень высока. Основными виктимогенными факторами были эпидемии, войны, пожары, стихийные бедствия и практически постоянный спутник жизни

людей — голод. Вот картина, которую рисует летописец: в 1128 г. совсем не стало хлеба в стране. «Отцы и матери отдавали даром иноземным купцам своих детей» [10. С. 5—6]. Если к этому добавить стихийные бедствия, климатические катаклизмы, постоянные в «деревянной» Руси пожары и др., то становится очевидным, что никто в те времена, а особенно ребенок, не мог быть застрахован от опасности оказаться на дне жизни.

Еще одним фактором детской виктимизации была христианская мораль церкви. После крещения Руси и установления моногамного брака настоящими изгоями общества постепенно становятся «незаконнорожденные» дети. Уже в XI в. в киевских христианских кругах была крепка мысль, что «от греховного бо корени зол плод бывает» [15. С. 184]. Борясь за чистоту нравов, церковь культивировала негативное отношение к детям, рожденным вне брака. В обществе со временем сформировалось твердое убеждение, что из «незаконных» детей могут вырасти только «тати» (воры, разбойники) и «блуди» (гулящие, проститутки). Часто именно так и случалось, поскольку настороженное и презрительное отношение общества формировало и усиливало виктимность незаконнорожденных детей, толкало их в среду антиобщественных элементов.

Таким образом, с достаточно большой долей вероятности можно предполагать, что детская беспризорность в Древнерусском и Московском государстве имела место, хотя масштабы ее были относительно невелики.

Вторая гипотеза, объясняющая причину отсутствия письменных источников по состоянию детства, видится в том, что этой проблеме вообще особого значения не придавали.

В отличие от России Западная Европа располагает большим количеством архивных и других материалов по

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

истории своих стран и народов. На основе этой весьма солидной базы исследователями были написаны работы, не только обобщающие историю детства, но и освещающие многие узкоспециальные вопросы: историю семьи и семейной жизни, детские игры и игрушки, историю детского костюма, историю школьного образования и др.

Настоящей сенсацией стала вышедшая в 1960 г. книга Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [1]. На основе анализа широкого круга источников автор пришел к выводу, что до XVI в. в обществе отсутствовало понятие о ценности жизни ребенка. Детей не воспринимали как полноценные человеческие существа и ими не дорожили. Детская смертность была столь высока, что не вызывала не только больших переживаний, но и даже эмоций. До конца XVII в. в обществе существовало терпимое отношение к детоубийству. Если ребенку удавалось выжить, то очень рано, едва окрепнув физически, он смешивался со взрослыми, разделяя с ними работу и игры. Из ребенка он сразу же становился молодым взрослым, минуя различные этапы юности.

Но если физическая жизнь ребенка значила так мало, то значительно сложнее для христианского мирознания обстоит дело с его бессмертной душой, особенно если ребенок был крещен. Если он умирал до крещения, это не давало повода для особых переживаний. Хоронили такого ребенка где придется (под порогом, в саду и т. п.), как сегодня закапывают умершее домашнее животное.

Ф. Арьес пишет, что «в эпоху расцвета Средневековья взрослые не слишком спешили окрестить своих детей, в самых тяжелых случаях забывая это сделать» [1. С. 17]. Очевидно, средневековые пастыри были очень обеспокоены этим и приняли ряд установлений,

принуждающих родителей к крещению ребенка как можно скорее после рождения.

Перелом в сознании людей, как считал Ф. Арьес, начал происходить в XVI в., когда в ребенке увидели хрупкое творение Бога, которое необходимо воспитывать и оберегать. В течение XVI—XVII вв. ребенок занял в семье место, какое невозможно было представить в прошлые века. Маленький человек становится необходимым элементом повседневной жизни семьи; забота о его воспитании, устройстве, будущем переходит в разряд важнейших семейных задач.

Поначалу восприняв критически основные положения Ф. Арьеса, западноевропейские и американские исследователи в итоге признали их. Уже мало кто сомневается, что эмоциональная связь между родителями и детьми является «современным изобретением» человечества, а материнская связь не является «естественным» свойством женщин и не вытекает из их «природного инстинкта» [19. С. 145, 147, 148].

Трудно предполагать, что в Древней Руси и допетровской России отношение к детству было иным, чем в Западной Европе. Никаких свидетельств обратного нет. Но, скорее всего, в значительно менее, чем Западная Европа, урбанизированной России роль семьи в воспитании была определяющей.

Можно также предполагать, что взрослая часть общества дифференцировала детей по возрасту. Уже в Древней Руси появляются слова, означающие возрастные группы: «дитя» — т. е. тот, кто вскармливается грудью; «молодой» — ребенок 3—6 лет, воспитываемый матерью; «чадо» — 7—12 лет, начинающий обучаться; «отрок» — подросток 12—15 лет, проходящий специальное ученичество перед посвящением во взрослые члены рода или общины. Роль матери в деле

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

воспитания детей была высока на протяжении всего периода взросления не только девочек, что понятно, но и мальчиков. Не случайно на Руси человека, достигшего полной зрелости, называли словом «матерый», т. е. воспитанный матерью [8. С. 173].

Во всем остальном мы видим на Руси и в Московском государстве те же явления, что и в Западной Европе. В первую очередь обращает на себя внимание очень высокая детская смертность. Из десяти родившихся в страду детей в русской деревне выживало двое, поскольку матери уже через несколько дней после родов уходили на полевые работы [17. С. 68].

Распространенным явлением было детоубийство. Известный юрист М. Н. Гернет в изданной в 1911 г. книге «Детоубийство» писал: «Наши предки не составляли исключения относительно обычая убивать детей: детоубийство имело место и у них считалось дозволенным» [5. С. 288]. После образования государства и крещения Руси разбор дел об убийствах детей долгое время входил в компетенцию исключительно духовных судов. Лишь Соборное Уложение 1649 г. отчасти передало рассмотрение этих дел в руки светских властей. При этом светское правосудие в отличие от церковного рассматривало детоубийство как привилегированный вид убийства, т. е. не представлявший большой общественной опасности.

Наводит на определенные размышления такая же, как и в Западной Европе, забота церкви о как можно более скором крещении новорожденных. В том случае, если родители хотели окрестить ребенка, епископ Илья (XIII в.) рекомендовал священнику не упустить момента и, бросив все, идти крестить — «любо си (если даже) и службу (церковную) остановите, нетусь в том греха» [14. С.

367].

Не отличало Россию от Запада и жестокое отношение к детям. Причем эта жестокость шла не от невежества, а была вполне осознанным методом воспитания. Составитель «Домостроя» протопоп Сильвестр давал такие советы отцам семейств: «Сына ли имаши, не дошед в нити в юности, но сокруша ему ребра; аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здрав будет, дочь ли имаши — положи на ней грозу свою». Этот суровый моралист запрещает даже смеяться и играть с ребенком [11. С. 145]. Но если все вышеперечисленные факты бездушного отношения к детям были характерной чертой эпохи, то продажа детей отличала Древнюю Русь от Западной Европы, где данное явление осталось в прошлом. Родители в голодные годы продавали своих детей проезжему «гостю» или даже отдавали их даром — это было стихийное и массовое бедствие. Причем общественная мораль осуждала родителей только в том случае, если дети продавались «без нужды». Покупателями, очевидно, чаще всего были варяжские «гости», плывущие «в греки», где легко можно было продать «товар». Перед этим бедствием даже церковь была бессильна [14. С. 187].

Все это свидетельствует о том, что, так же как и в Западной Европе, в Древней Руси и Московском государстве ценность жизни ребенка была ничтожна мала и за редким исключением (дети знати) в нем не видели личности. Именно этим обстоятельством, а также сравнительно небольшим числом оставшихся без попечения детей объясняется отсутствие в документах эпохи упоминаний о помощи обездоленным детям.

В связи с этим нельзя не коснуться еще одного вопроса. Масштабное развертывание в последние годы социальной работы в России привлекло внимание исследователей к ее различным аспектам. Появилось

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

значительное число публикаций, посвященных истории вопроса, в которых наряду с другими проблемами рассматриваются вопросы детства. Отмечая безусловную значимость и достоинство данных публикаций, нельзя не отметить, что их авторы для подтверждения своих выводов часто используют одни и те же весьма немногочисленные факты, ссылаясь при этом не на первоисточник, а на ранее опубликованные работы. В качестве аргумента используется иногда известная историческая фальшивка — «Велесова книга». Имеет место расширительное толкование имеющихся архивных данных. В результате возникает идиллическая картина детства в средневековой России («В IX в. семья была многодетной, дети желанными», «В XVI в. высоко ценились родительская любовь и почитание старших» и т. п.) и всеобщей заботы об оставшихся без родительского попечения детях («История развития детского призрения началась со времен Великого князя Владимира», «Статья 99 Русской Правды вменяла в обязанности опекунам “печаловаться” о сиротах», «Ярослав Мудрый учредил сиротское училище» и др.).

Однако изучение первоисточников показывает, что до второй половины XVII в. отсутствуют какие-либо документы, свидетельствующие о проявлении заботы о беспризорных детях. Например, такой факт, как открытие Ярославом Мудрым училища для сирот, не подтверждается. Н. М. Карамзин, ссылаясь на Никоновскую и Новгородские летописи, писал: «Летописцы средних веков говорят, что сей Великий Князь завел в Новгороде первое народное училище, где 300 отроков, дети Пресвитеров и Старейшин, приобретали сведения, нужные для Священного сана и гражданских чиновников» [9. С. 27, 212].

Пожалуй, наиболее часто цитируемым

документом, на основании которого делаются выводы о заботе, проявляемой о детях-сиротах, является «Поучение» Владимира Мономаха своим детям («насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте») [4. С. 55]. Вместе с тем следует помнить, что даже в XIX в. слово «сирота» имело более широкий смысл, чем сейчас. Под сиротой понимали не только ребенка, но и любого человека, оказавшегося без средств к существованию [6. С. 62].

Отсутствие письменных свидетельств не позволяет сделать выводы о какой-либо деятельности, направленной на заботу о беспризорных детях. Имеющиеся в современных публикациях по истории социальной работы описания такой деятельности являются скорее всего механическим перенесением заботы о нищих, калеках, больных, раненых и т. п. на сферу детского призрения, экстраполяцией современных представлений о любви к детям на период Средних веков. Такого рода толкование прошлого не столь безобидно для науки, как это кажется на первый взгляд. Оно кардинальным образом меняет наши представления не только о беспризорности в прошлом, но и о детстве в целом. Познание подменяется умилением. Пережившие после выхода в свет книги Ф. Арьеса немалый психологический шок западные исследователи, тем не менее, позднее признали, что «особенно опасно считать сегодняшний стандарт социального и психологического обращения с детьми «естественным» и не зависящим от культуры и эпохи, и по нему измерять семейные отношения в прошлом» [7. С. 40].

А. В. Мудрик отмечает, что «использование в социальной педагогике идей и данных других наук имеет определенные трудности и издержки». Называя главные из них, он пишет, что «некоторые идеи заимствуются в облегченном варианте, а

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

порой фактически фальсифицируются в процессе их приспособления к социально-педагогическим нуждам» [12. С. 191]. В то же время было бы неправильным обвинять авторов в научной недобросовестности. Подобного рода издержки в исследовании прошлого историки называют «добросовестными заблуждениями», и связаны они, вероятно, с искренним желанием современных ученых-педагогов привлечь внимание общественности к проблемам детства и беспризорности путем использования позитивных исторических фактов [13. С. 10, С. 37–38].

Историческая действительность, однако, далеко не всегда была такой, какой бы мы хотели ее видеть. Положение ребенка в Западной Европе стало меняться только с началом Нового времени. Гуманистическая литература сделала нормой человеческой культуры родительскую любовь и поставила ребенка в центр семейной жизни. Не случайно тогда же возникает педиатрия как специальный раздел медицины, появляется отличная от взрослой детская одежда.

Медленное и робкое проникновение идей просветителей в Россию стало ощущаться с середины XVII в. Оправившись после Смутного времени, Московское государство расширяло свои пределы, росли старые и возникали новые города, все более частыми становились международные контакты. Началась, по выражению К. Валишевского, интеллектуальная эволюция страны [3. С. 261].

Однако рост городов, увеличившаяся мобильность населения, приезд все большего числа иностранцев на службу в Россию привели к увеличению числа внебрачных связей и «незаконнорожденных» детей. Это, в свою очередь, повлекло за собой увеличение числа беспризорников. В 1682 г. в царствование Федора

Алексеевича появляется первый в истории России документ, говорящий о необходимости оказания помощи «нищенским детям». Указом царя предписывалось, как это было сделано в Европе, воспитывать «робят и девок» в специальных учреждениях, «дворах», где обучать их ремеслам и наукам. Особое внимание обращалось на «цифирную» науку как наиболее важную и нужную для всех, особенно для купцов. По желанию дети могли быть отданы на учение к мастерам [18. С. 118–119]. Однако осуществить намеченное не удалось. Через год молодой и широкообразованный царь умер.

Таким образом, отсутствие каких-либо письменных источников по вопросу детской беспризорности до конца XVIIв. объясняется двумя взаимосвязанными и взаимодополняющими друг друга причинами: незначительностью числа детей-беспризорников и большим равнодушием взрослой части общества к детям и их проблемам. Главными факторами, сдерживающими детскую виктимизацию, были большая семья, русская сельская община и, как ни странно, крепостное состояние общества.

Как и в Западной Европе, в период Средних веков в России отмечается бездушное и жестокое отношение к детям (огромная смертность, детоубийства, продажа детей, телесные наказания как главный метод воспитания и др.). Ценность жизни ребенка была так ничтожно мала, что заботиться о ее сохранении не считали нужным. Поэтому в документах эпохи, предписывающих оказывать помощь страждущим (нищим, инвалидам, престарелым, больным, пленным), дети-беспризорники даже не упоминаются. Главным источником пополнения их рядов были «незаконнорожденные» дети, которым общество отказывало даже в праве на сострадание.

«Бунташный» XVII в. стал началом коренного перелома в жизни

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

русского общества. Этот перелом не мог не отразиться на детях и на отношении к ним общества. С одной стороны, начавшаяся модернизация стала обострять проблему

беспризорности; с другой — пока еще робкое проникновение в Россию идей западноевропейского Просвещения положило начало изменению отношения взрослой части общества к детям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРЬЕС, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999.
2. БАХРУШИН, С. В. Организация попечения о беспризорных детях в Москве / С. В. Бахрушин. — М. : Б. и., 1916.
3. ВАЛИШЕВСКИЙ, К. Первые Романовы / К. Валишевский. — М.: СП «Квадрат», 1993.
4. МОНОМАХ, В. Поучение или духовная князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим / В. Момах. — М.: Фонд им. Д. И. Сытина, 1996.
5. ГЕРНЕТ, М. Детоубийство / М. Гернет // Антология социальной работы : в 3 т. / сост. М. В. Фирсов. — М. : Сварог, 1995. — Т. 2.
6. ДАЛЬ, В. И. Толковый Словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М.: Русский язык, 2003. — Т. 4.
7. ЗИДЕР, Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XXв.) / Р. Зидер. — М. : Владос, 1997.
8. ИСТОРИЯ педагогики. От зарождения воспитания в первобытном обществе до середины XVIII в. / под ред. А. И. Пискунова. — М.: ТЦ «Сфера», 1998. — Ч. 1.
9. КАРАМЗИН, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. — М.: Наука, 1989. — Т. 2—3.
10. КНЯЗЬКОВ, С. Голод в древней России / С. Князьков. — СПб. : Б. и., 1913.
11. КОСТОМАРОВ, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. — М. : Экономика, 1993.
12. МУДРИК, А. В. Социальная педагогика / А. В. Мудрик. — М. : Академия, 2000.
13. НЕБОРСКИЙ, М. Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы / М. Неборский // Родина. — 1996. — № 5.
14. ПОУЧЕНИЕ епископа Ильи // Русская историческая библиотека. — СПб. : Б. и., 1908. — Т. 6.
15. РОМАНОВ, Б. А. Люди и нравы Древней Руси / Б. А. Романов. — М. : Наука, 1966.
16. РУБИНШТЕЙН, М. Н. Общественное или семейное воспитание / М. Н. Рубинштейн. — М. : Б. и., 1918.
17. УЛЬЯНОВА, Г. Доля сиротская / Г. Ульянова // Социальная защита. — 1991. — № 5.
18. ШИРШОВ, В. Д. История социальной работы / В. Д. Ширшов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2002.
19. ШКУРАТОВ, В. А. Историческая психология / В. А. Шкуратов. — М. : Смысл, 1997.